

18+

ДАРА МУН

«ФЕВРАЛЬ» и другие истории

Дара Мун

«Февраль» и другие истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63830566

ISBN 9785005316257

Аннотация

Это сборник историй, которые пожелали воплотиться через меня. Ведь я не придумала ни строчки, только записывала так, как шло. Я создавала его медленно, выверяя каждое слово, каждую интонацию. Это неидеальный текст неидеального автора. И я позволяю ему быть таким. Я говорю ему «да».

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ФЕВРАЛЬ	6
1	8
2	15
3	20
4	24
5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

«Февраль» и другие истории

Дара Мун

Иллюстратор Екатерина Евгеньевна Ткач

© Дара Мун, 2025

© Екатерина Евгеньевна Ткач, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0053-1625-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ АВТОРА

Это сборник с историями, которые пожелали воплотиться через меня. Ведь я не придумала ни строчки, только записывала так, как шло.

Я создавала его медленно, выверяя каждое слово, каждую интонацию.

Он насквозь зимний.

Я прошу подарить сборнику ваше внимание. Я верю, найдутся те, кому будет важно его прочесть.

Истории такие, какие есть. Других карт мне не выдали.

Я знаю, что оно местами царапает, но, смею полагать, также глубоко трогает, радует, обнимает.

И если этот сборник скрасит зимний вечер хоть одному читателю, всё уже было не зря.

Это неидеальный текст неидеального автора. И я позволяю ему быть таким.

Я говорю ему да.

ФЕВРАЛЬ

«Знаете, чем отличается одиночество от уединения? Вы в обоих случаях заперты одни в комнате. И отличие лишь в том, с какой стороны ключ».

Преподаватель КСЕ

Там, где сладость нежно-розового чабреца сливалась с горечью полыни и свежестью холодной воды, стоял дом. На самом берегу среди громадных валунов.

Вокруг – никого на многие километры.

Ни звука с губ. Лишь безмолвие. Крики толстых чаек. Шум большого моря.

В том доме жил братец Ноябрь. У него огрубели руки от ледяной воды и работы, а его ботинки изъела морская соль. Ему нравился тамошний свежий воздух и тишина.

Его жилище было более чем скромно: одна комната, заполненная книгами, и чайник – всегда горячий.

Будете у его дома, попросите у Ноября воды напиться, но не просите рассказывать историй – они у него все печальные, ведь ему чаще других братьев приходится наблюдать увядание.

Каждый день большая волна вместе с пеной и морской капустой прибывала к берегу истории, упакованные в стеклянные бутылки. Одни – совсем короткие, другие длинные – це-

лые летописи. Все истории были неизменно важны для Ноября. Он собирал их и развешивал над печкой, чтобы подсушить, а поутру читал вслух.

Но его слова тонули в шуме волн. Так и оставались эти истории в его карманах – никем, кроме него, не услышанные.

Но однажды волна прибила к берегу чьё-то потрёпанное судёнышко.

Гость сошёл на берег и, кутаясь в лиловый шарф, зашагал к дому. В руках у него была тетрадь в коричневой кожаной обложке.

– Вот, – сказал он, переступая порог, – новая история в твою копилку. Хочу, чтобы ты первым её прочёл.

Ноябрь поставил чайник на огонь, раскрыл толстую испи-санную аккуратным почерком тетрадь, и прочистил горло:

Это история о грусти, с которой здороваются, история об одиночестве, тщательно выдаваемом за уединение, история предубеждений, магии, чудес, странных совпадений.

Это история о любви.

Где бы и какой бы она ни была.

Февраль в первый же день...

осел колким снегом на кончиках пальцев. Виви снова забыла перчатки.

Из февральских холодов она спешила домой, её волнистые тёмные волосы заиндевели, а руки покраснели от мороза.

В её маленькой квартирке на первом этаже пахло лаком и пихтой, громко тикали часы в кухне. Часовая стрелка приближалась к трём. Виви знала: скоро мимо её дома промчится трамвай, и зазвенят стёкла.

Она расстегнула пальто и бросила его, не глядя, на кровать.

Стёкла зазвенели точно по расписанию. За окном она увидела зависший на проводах иней, и чёрные рельсы, будто прочерченные кем-то полосы на чистой бумаге. Снег скопился в уголках рамы. Небо было пасмурное и безмятежное.

Трамвай быстро промчался мимо и исчез далёкой точкой.

Виви любила такие моменты, когда дома – тихо-тихо, и ничто не мешает думать. Думала она о великом: о туманных планах на будущее, о смысле жизни, о повышении цен на проезд в автобусе... На этой мысли она горестно вздохнула и поплелась на кухню, чтобы приготовить кофе с молоком и выпить его, глядя на полную безнадёгу за окном. Потом

было бы неплохо посвятить часок-другой чтению или дневной дрёме, но не успела Виви поставить чайник на огонь, как из спальни послышался резкий звук, будто что-то с треском упало и расколотилось на тысячу и один кусок.

Она заторопилась на шум.

В окне зияла дыра, и пол был усыпан осколками, но удивительно было совсем не это: на ковре лежала птица причудливого оперенья. Её перья переливались оттенками розового и фиолетового, грудь часто вздымалась, и дрожало раненное крыло.

Виви несмело сделала шаг, стараясь не наступить босыми ногами на стёкла. Она осторожно приблизилась, её пальцы чуть коснулись насыщенно-лиловых перьев. Птица под её рукой затрепыхалась, будто в агонии. Виви испуганно отпрянула, наступая босой пяткой на мелкий осколок.

Она вскрикнула, но не только от боли. Птица на её глазах вдруг обратилась совсем не птицей. Исчезло оперенье, клюв, крылья. На неё посмотрели человеческие глаза.

Это случилось в первый день февраля.

История, которую, возможно, будут рассказывать тут и там.

Виви думала, что спит. Потому что в жизни так не бывает. К тебе домой не врываются птицы и не обращаются людьми. Это невозможно. А если и возможно, то уж точно не в её жизни. Нет, никак невозможно!

Но вот она реальность – мужчина на деревянном полу

её спальни. Кровь сочилась из глубокого пореза на левом плече, окрашивая белую футболку в ярко-алый, и капала на светлый ковёр.

Виви хотелось закричать на всю мощь лёгких. Она было открыла рот, но тут же плотно закрыла его ладонью и схватилась за телефон. Вызвать скорую и немедленно – вот был её порыв.

– Не надо, прошу, – сказал ей Февраль. Разумеется, тогда Виви ещё не знала, что это был Февраль.

– Но ты ранен, – возразила она, сжимая телефон в ладони.

– Не смертельно, – он криво улыбнулся ей. Опираясь на правую руку, ему удалось сесть, затем снять с себя футболку и зажать порез. – Очень прошу, не надо никуда звонить.

На последних словах его лицо исказилось от боли.

Виви нехотя сунула телефон в карман брюк и бросилась в ванную за скудной аптечкой. Она и сама не знала, почему так поступила, но подумать не было времени, а пока... в аптечке нашёлся бинт, дрожь отпустила пальцы, а в спальне по-прежнему истекал кровью нуждавшийся в помощи человек.

Она помогла незнакомцу добраться до дивана, схватила лысеющую метлу и торопливо смела осколки в сторону, а затем осмотрела порез.

– Тебе нужно в больницу! – решительно заявила Виви, снова хватая телефон, но незнакомец перехватил её ладонь.

– Мне нельзя, – он покачал головой. – Ты видела, кто я?

Нет, мне никак нельзя!

– Я не знаю, кто ты, – она освободила руку от захвата, – и как угодил ко мне в квартиру, я тоже не знаю.

– Пожалуйста, – тихо попросил он. – Я всё объясню.

Виви было нечего противопоставить фиалковому, как перо птицы, взгляду. Серьёзный и немного грустный он подействовал на неё будто пятновыводитель, стирающий все возражения. Она тихонько вздохнула и принялась обрабатывать порез.

– Врачи бы подлатали тебя лучше, чем я. Я ничего этого не умею, – говорила она, забинтовывая его плечо.

– Сойдёт, – отмахнулся он легкомысленно. – На мне быстро заживает, к утру и следа не останется.

Виви завязала тугой узел, и повязка была готова. Осмотрев её работу, незнакомец одобрительно хмыкнул.

– Спасибо, – сказал он, расслабленно откинувшись к спинке дивана. – Знаешь, я всегда мягко приземляюсь и не разбиваю ничего. Такое со мной впервые, честное слово.

Он держал в руках окровавленную футболку, которую было проще выкинуть, чем отстирать. Из одежды на нём остались только джинсы, но он, казалось, ничуть не смущался ни своего вида, ни того, что он влетел в окно чужой квартиры. В облике птицы.

– Так кто ты? – озвучила Виви давно просившийся с языка вопрос.

– Февраль, – ответил он просто, и его тонкие губы изогну-

лись в ухмылке.

– Что февраль?

– Сегодня. Первое число, – произнёс он с таким видом, будто объяснял очевидные вещи вроде «трава зелёная, а вода мокрая». – Вот я и пришёл. Февраль, рад знакомству! Я бы снял шляпу, если б она у меня была, конечно.

Виви недоверчиво покачала головой.

– Я видела птицу, – заметила она.

– Я был птицей. Иначе как ещё я бы смог летать? – странный парень улыбнулся ей, взъерошивая тёмные волосы.

Но Виви не трогали его улыбки, ей хотелось получить конкретные ответы на конкретные вопросы.

– Ты сводишь меня с ума! – воскликнула она, хмурясь и складывая руки на груди. – Просто назови своё имя. Настоящее!

– Ф-е-в-р-а-л-ь, – проговорил он по буквам, издевательская ухмылка не сходила с его лица. – Так меня называли. Глупо, знаю. Я бы и рад зваться каким-нибудь Джоном.

Виви усмехнулась.

– Февраль, значит? А твои родители заморочились!

– А твои?

– Что?

– Как твоё имя? – Февраль закатил глаза.

Виви запустила пальцы в волосы, что бывало с ней всякий раз, когда она нервничала.

– У меня мама любила «Унесённых ветром». И, знаешь,

Вивьен Ли... Виви. Спасибо, что не Скарлетт, вот был бы ужас, а?

– Точно. Будь ты Скарлетт, я бы выбежал из твоего дома с воплями.

И он захохотал, чрезвычайно довольный собственной остротой.

Холодный ветер задул в комнату через разбитое окно. Виви поёжилась, чувствуя, как оживают тонкие волоски на шее, а по коже бегут мурашки. Она перевела взгляд на незваного гостя.

– Как ты оказался у меня в квартире?

– Через окно, – обыденно отозвался Февраль. Он заметил клетчатый плед на подлокотнике и без спросу завернулся в него, будто в плащ.

Виви изогнула бровь, ожидая более подробных объяснений.

– Это случайность, – нехотя проговорил гость. – Я не хотел заступать на дежурство, но мои одиннадцать братьев отравили меня силой. А силы у них вот столько! – Февраль широко расставил руки, наглядно демонстрируя Виви количество этой «силы». – Я и влетел к тебе в окно, повезло ещё, что успел обратиться птицей.

Виви несколько раз моргнула, так и не решившись ничего сказать. Даже не уточнила, не ударялся ли он головой (ведь в таком случае ей следовало бы признать, что с ней тоже не всё ладно).

– Так что мне придётся какое-то время побыть здесь. Точнее, один месяц, – закончил Февраль. – Ты же не будешь против?

Виви моргнула ещё несколько раз. В ситуациях, когда с героями книг или фильмов начинала твориться какая-то невообразимая невообразимость, они поначалу бывали крайне озадаченными, но она была девушкой умной, и вместо того, чтобы делать круглые глаза и задавать кучу ненужных вопросов, она принялась думать.

Февраль во всех смыслах свалился на неё, как снег на голову. Виви сложила пазл из нескольких исходных: Февраль, одиннадцать братьев, дежурство, первое февраля на календаре. Вывод получился странным, нелепым и в высшей степени невероятным. Но единственно возможным.

– Почему ты не хотел заступать на дежурство? – спросила она.

Февраль, если и удивился её вопросу, то не подал виду. Его лицо вдруг сделалось крайне мрачным.

– Потому что меня никто не любит.

2

Февраль за окном...

был холодным, ветреным и снежным.

Февраль у Виви дома был растрёпанным, не в меру болтливым и нагловатым.

Он был черноволос и невысок, из одежды на нём были только потрёпанные джинсы и клетчатый плед, позаимствованный без спросу.

Пока Виви бегала в супермаркет, потому что дорогого гостя нужно было чем-то кормить, Февраль читал найденную на столе книгу.

Она вернулась через час с полным пакетом: апельсины и яблоки, овсяное молоко, шоколад, свежие круассаны, крекеры, кофе, сыр и хлеб. Виви не знала точно, что едят такие, как Февраль, но полагала, что он найдёт, чем угоститься.

Зайдя в кухню, она фыркнула: некоторые воспринимали слова «чувствуй себя как дома» слишком буквально. Февраль читал, сидя на подоконнике, и горстями заглатывал миндаль из обнаруженной на столе вазочки.

– Вот, примерь, – сказала Виви, протягивая ему бумажный пакет.

На пути домой ей попался небольшой магазинчик с одеждой. Она вспомнила, что футболка у Февраля пришла в негодность, и купила ему лиловый свитер крупной вязки.

Она отчего-то проигнорировала классический чёрный или синий.

Когда Февраль примерил свитер, Виви поняла, что не ошиблась: лиловый идеально сочетался с его глазами. А вот с размером вышла промашка – рукава оказались слишком длинными. Он подкатал их, скупно поблагодарил и продолжил чтение.

Разобрав покупки, Виви достала два стакана и заполнила их овсяным молоком.

– Будешь?

Взгляд Февраля медленно оторвался от книги и обратился к ней. Он взял стакан и в три больших глотка осушил его.

– Неплохое пойло, – оценил он. – Но я люблю кофе. Особенно по вечерам.

– Как твоя рана? – спросила она.

– О, мне уже лучше. Завтра и вовсе пройдёт.

И он снова погрузился в чтение. Так, будто Виви здесь и вовсе не было. Но она была, и у неё остались вопросы.

– Слушай, всё, что случилось сегодня... – она с трудом подбирала слова, помогая себе жестами, – птица, потом ты, потом эта твоя история... Не соизволишь ли объяснить всё толком?

– Соизволю ли? – Февраль усмехнулся, захлопывая книгу и переводя взгляд на хозяйку квартиры. – А ты всегда разговариваешь так, будто проглотила парочку словарей и закусила романами Джейн Остин?

– Только когда очень злюсь, – отчеканила Виви, нахмурившись. – Видишь ли, я не слишком люблю чужих в своём доме.

Февраль расхохотался.

– Скажешь тоже, какой же я чужой? Я ведь каждый год прихожу. Для удобства даже можешь звать меня Февом.

И он улыбнулся, демонстрируя дружелюбие. Но его улыбка едва ли была способна тронуть сердце Виви.

– Так ты ответишь? – она поджала губы.

– Что ты хочешь знать? – Февраль по-прежнему глядел на неё чуть насмешливо, и это жутко её раздражало.

– Всю историю с самого начала, – потребовала она. – Откуда ты взялся и зачем?

– Всё это страшно банально и неинтересно, – начал он неохотно. – Я и мои братья существуем ещё с начала времён. Нам поручили присматривать за сменой сезонов, каждый из двенадцати братьев следит за своим месяцем. Регулирует дожди, снега, периоды цветения и увядания... Скука, в общем. Из года в год, из века в век мы занимаемся этим. Так себе работёнка, я тебе скажу.

– Ты работаешь всего один самый короткий месяц в году – не тебе жаловаться! – подначила его Виви.

– Ты ничего не понимаешь! – возмутился Февраль. – Ладно бы я был Июнем – я купался бы в людской любви. А так слушаешь только проклятия и недовольства в свой адрес. Хоть совсем увольняйся с этой работы... что я, кстати,

и собирался сделать, но мои любимые братишки взяли меня за шкуру и вышвырнули из нашего уютного домика сюда, на землю. Точнее, тебе в окно, ну, я уже говорил.

– Бедный ты несчастный! – захохотала Виви. – А от меня ты что хочешь?

Фев пожал плечами.

– Видишь ли, я верю, что не бывает ничего случайного. Раз я попал к тебе домой, значит, это было предрешиено. Ты позволишь остаться?

Виви не спешила с ответом. Для неё любое непредвиденное вмешательство в размеренное течение её жизни – было стрессом и катастрофой. Она не была жизнерадостной болтушкой, плохо сходилась с людьми, часто не знала, о чём с ними разговаривать, и вполне осознанно предпочитала уединение, но...

– Да ладно тебе, всего лишь месяц бок о бок. Самый кроткий в году, к тому же, – Фев нагло улынулся.

...но что-то внутри Виви было *вроде-бы-не-против* того, чтобы он остался. Совсем на чуть-чуть. Да и один месяц – это не так уж и много, в сущности.

– Кста-ати, – протянул Фев, – а что у нас на ужин?

Она ответила ему красноречивым взглядом и отвернулась. Ещё и готовить на двоих – это явно не входило в её планы. Стараясь успокоиться, она открыла холодильник: предстояло решить непростую задачу – как совместить её скудные кулинарные навыки с тем, что было в наличии из еды.

– Можешь остаться, – наконец, сказала она.

Вечер закончился запечённой курицей на ужин и холодным ветром из разбитого окна.

Виви, привыкшая решать проблемы самостоятельно, заклеила дыру скотчем.

3

Эта зима...

была как и все зимы – холодной, обветшалой, чуть унылой.

Вдыхать морозный воздух поутру было легко и приятно. Особенно если находишься дома и дышишь, сунув нос в открытое окно.

Медленно кипел чайник, ещё медленнее – ленивое солнце выползло из-за многоэтажек напротив. Виви выдохнула, выпуская облачко пара в воздух, подобно чайнику на плите, и закрыла окно.

Она предпочитала греть воду на огне, а не использовать электрический аналог. Результат был один – кипяток в кружке, но какая разница во вкусе!

Фев спал в коконе одеяла на диване в её гостиной. Виви завидовала его безмятежному дыханию. Она уже надела чёрную водолазку и собрала волосы в тугий хвост, готовая к новому дню.

Виви во многом походила на героинь романов Великой Франсуазы – такая же независимая, такая же цельная. Она здоровалась с грустью, как с подругой, и звала её по имени. На чай.

Виви ждала, пока кипяток в чашке остынет до комфортной для языка температуры.

Временами она, словно героини Франсуазы, казалась себе то лучше, то хуже, чем была на самом деле.

По стене пробежал таракан. Она хотела было закричать, но вовремя сдержалась, вспомнив, что была не одна, а Февраль всё ещё спал.

Таракан шмыгнул в щель между досок на полу.

Виви отхлебнула крепкого чёрного чаю из чашки и улыбнулась. Мысль, что теперь она была не одна, звучала в её голове очень непривычно. И грела лучше, чем чёрная водолазка и горячий чай вместе взятые.

Впрочем, она тут же взяла себя в руки, вспомнив, что уже давно жила самостоятельно, и такая жизнь была по ней. Да, временами ей становилось нестерпимо тихо. Так случалось в бессонные ночи, когда читаешь ночи напролёт или смотришь в окно, пытаясь в тусклом городском небе отыскать хоть одну звезду. Но тоска и желание быть с кем-то вместе неизменно исчезали вместе с робкими лучами восходящего солнца.

Утром второго февраля на маленькой кухне подгорала яичница.

Виви так задумалась, что едва успела спасти завтрак, который теперь приходилось готовить на двоих.

– Доброе утро, – помятый Февраль вошёл в кухню, шлёпая босыми ногами по деревянному полу. – А можно и мне чаю?

Виви хмыкнула. Резкое *давай сам* чуть было не сорвалось

с губ (на самом деле, почти сорвалось – фраза зависла на кончике языка, но Виви успела проглотить её).

Фев усиленно тёр веки кулаком, как маленький ребёнок, его тёмные волосы торчали во все стороны.

– Ладно, – смягчилась Виви, – будет тебе чай.

Он сонно улыбнулся ей. Пока она наливала крутой кипяток в чашку, Февраль бухнулся на шаткий табурет, лёг головой на стол и, кажется, снова уснул.

– Я всё ещё надеюсь, что ты мне снишься, – произнесла Виви вполголоса, ставя кружку с цитрусовым чаем рядом с нечесаной головой Февраля.

– Можешь потыкать в меня пальцем. Я вполне реален, – ответил он, с наслаждением зевая и потягиваясь.

Она покачала головой. Фев сделал глоток, оглядывая её с головы до ног.

– Чёрная водолазка? – он выгнул бровь. – Ты что, Стив Джобс?

– Вроде того, – точно в тон отозвалась Виви, кинув мимолётный взгляд на наручные часы. – И мне уже точно пора.

В тот зимний день она едва не опоздала на работу. Пожалуй, впервые за всю жизнь.

Морозный воздух подхватил её, запутался в волосах, пробрался под пальто. Виви не спешила – она позволяла февральскому холоду обнять её. Как будто он был способен внести крупицу ясности в её жизнь.

До прихода Февраля, она была – что поверхность озера

в безветренный день, но вдруг – волна за волной хлынули на берег, и Виви едва ли успевала понять, что произошло. Ей всё ещё казалось, что так не бывает.

Не бывает.

Вдох-выдох.

А если поверить Феву? Представить, что все его слова – правда. Что сезоны не сменяются сами по себе. Что есть люди (или высшие существа? а, может, боги?), которые меняют листьям цвет, щедро сыплют снега на землю или греют моря своим дыханием.

Что, если мир – гораздо более сложное и волшебное место, чем мы привыкли думать?

– Как же надоел этот холод! Дурацкий бесконечный февраль, – услышала Виви от проходящей мимо школьницы в тонкой куртке.

Виви проводила её взглядом.

Люди так устроены. Зимой они жалуется на холод, а летом – на жару. Но у абсолютного большинства людей есть любимые и нелюбимые месяцы в году. Скажем, май явно всеобщий любимчик. И август. С сентябрём сложнее – школьники его ненавидят, взрослые же относятся вполне благосклонно как к хорошему времени, чтобы поехать на море или побродить по лесу. Декабрь тоже любят все, потому что новый год.

Но никто, совсем никто не любит февраль.

Февральский мороз...

разогнал всех по домам. Отсутствие тепла и света действовало на измученных авитаминозом людей удручающе. Те несчастные, кто был снаружи, кляли проклятуший снег и ветер и прятали холодные носы в шарфы.

– Ну и погода! – воскликнула Соня. – Я еле добралась. Вот кто в своём уме сейчас пойдёт пить кофе?

Виви была вынуждена согласиться с подругой – в кафе, где она работала, было на редкость пустынно. Пожилой мужчина в дальнем углу пил эспрессо и читал газету; молодой парень, студент в вязаной шапке, делал записи в блокнот, а его чёрный чай уже давно остыл. Больше посетителей не было.

Обе они откровенно скучали, сидя за барной стойкой. Пока Виви пыталась читать книгу о великих художниках мира, Соня глядела на погоду за дверями кафе и вздыхала. Она хлопнула себя по пухлой ляжке и в тысячный раз за день заглянула в мобильный. Она всё время говорила, что похудеет и начнёт ходить в спортзал. С понедельника. Обязательно. Но долгожданный понедельник всё не наступал.

«Художник должен начинать каждый холст с черных оттенков, потому что все вещи в природе темные, кроме тех, которые освещаются светом», – прочла Виви слова да Винчи. Но не успела она как следует обдумать их, как музыка

ветра с шестью полыми металлическими трубочками издала переливчатый звон – входная дверь открылась и закрылась, в кафе зашёл посетитель.

Виви не сразу его узнала. В тёмно-синем распахнутом на встречу всем февральским ветрам пальто и в небрежно повязанном шарфе к ним приближался виновник мерзкой погоды, самый нелюбимый месяц из дюжины и тот самый парень, который проник в её квартиру через окно.

– Приветик, – сказал Февраль, ехидно ухмыляясь. – Я тут на шоппинг ходил, как тебе?

Он покрутился, демонстрируя обновки.

– Что ты тут делаешь? – спросила Виви, с глухим звуком захлопывая книгу.

– Тебя ищу, конечно, – ответил он так, будто не было на свете вещи более очевидной. – Я же не кот, чтобы всё время сидеть в квартире. Мне гулять нужно. И работать.

– Ну вот и гулял бы. Снаружи, – прошипела Виви. – Чудесная же погода.

– Виви, не гони этого очаровашку! – вклинилась Соня, полная любопытства. – Лучше познакомь нас.

Виви вздохнула.

– Соня, это... это мой...

А и вправду, кто? Гость, птицей влетевший в окно? Самый короткий месяц в году? Сумасшедший парень, сбежавший из лечебницы? Виви совершенно смешалась, не зная, как закончить фразу.

– Я её брат, – пришёл на выручку Февраль. – Двоюродный. Приехал на месяц в гости. Зови меня Фев.

– Это от Февроний? – спросила Соня, недоумённо моргая.

– Скорее уж Фебруус, – и он кокетливо подмигнул ей, а Соня растаяла, словно пригоршня сахара, брошенная на раскалённую сковороду.

– Он мне нравится, – сообщила она Виви, коротко хохотнув, и снова переключилась на Фева. – Не желаешь чего-нибудь выпить?

Февраль изящным движением стянул пальто и шарф, небрежно сложил их на высокий стул рядом с собой, а сам занял соседний.

– Буду рад чёрному кофе. И ни капли молока или сливок, – ответил он, явно наслаждаясь неприкрытым восхищением в Сониных глазах.

Пока Соня отвлеклась на кофемашину, Виви послала Феву парочку сердитых взглядов.

– Брат?! – прошипела она так, чтобы только он мог её услышать.

– Двоюродный брат, – Фев приподнял указательный палец, подчёркивая важность данного факта. – Не мог же я рассказать всё, как есть, в самом-то деле.

– Не мог, – согласилась она. – Но зачем ты вообще пришёл?

– Потому что сейчас февраль, Виви. Моё время, помнишь?

– Нет, зачем ты пришёл *сюда*?

– Соскучился по твоему чёрному свитеру, – съязвил он, закатывая глаза. – Мой месяц, что хочу – то и делаю.

– Твой кофе, – Соня вернулась с полной до краёв чашкой. Было видно, что она старалась, и что посетитель пришёлся ей по душе. – Как так вышло, что Вивьен ни разу не упомянула о кузене? Подруга, как ты могла его прятать? – Соня наградила Виви обвиняющим взглядом, а та скривилась (она не любила, когда её звали полным именем).

Февраль отпил из кружки и оценил кофе как «весьма недурный».

– Скажи, а девушка у тебя есть? – допытывалась Соня.

– Никак нет, мэм, я свободен, как ветер, – Февраль горделиво вздёрнул подбородок, с наслаждением выпитывая каждую кроху внимания к своей нескромной персоне.

– Это же просто замечательно! – Соня захлопала в ладоши. – А я сегодня вечером как раз не знаю, чем заняться.

Фев не спеша сделал глоток, потом ещё один и ответил с сожалением:

– Увы, у меня через час назначена встреча, – он сделал короткую паузу, задумавшись. – Со Стивом Джобсом. Такое не отменить, сама понимаешь.

Соня растерянно кивнула.

Февраль допил кофе, вернул кружку на стойку, завязал шарф на шее и засобирился уходить.

– Но... он же того... уже умер, – донеслось до него Сонино

замешательство.

– Правда? – он усмехнулся. – Какая бестактность с его стороны – назначить встречу, а потом умереть. Пойду, упрекну его за это. Ещё увидимся.

Дверь распахнулась, впуская внутрь холодный воздух, и закрылась с переливчатой мелодией колокольчиков.

Соня фыркнула.

– Да уж, вы и вправду родственники, – сказала она.

5

Холодная луна...

подсвечивала людям дорогу сквозь сугробы. Немилосердный ветер трепал шарфы, дёргал за полы длинных пальто, подталкивал в спину.

Дома у Виви было темно и тихо. Под потолком в гостиной светили гирлянды. Как светлячки в траве. Их тусклый свет то затухал, то загорался вновь.

Виви сняла шарф, повесила пальто на вешалку и тихонько вошла в комнату, будто боясь нарушить незримое волшебство.

Февраль лежал на диване, умудряясь читать книгу в почти отсутствующем свете.

К тому моменту, как Виви вернулась с работы, он успел дочитать одну книжку, затем поспать и приступить к новой. Он никуда не собирался исчезать (не то, что бы Виви уж очень на это надеялась).

– Хороший мужик, этот писатель, – сказал Фев, показывая Виви обложку с фигурой в птичьей маске. – Странный немного, конечно. Но творческим личностям простительно быть немножко ку-ку.

«*Остаётся зимовать*» – прочла она название. Виви купила эту книгу случайно, в букинистическом магазине. На своё счастье, она прочла её прежде, чем наткнулась на отзывы.

Эту абсурдную историю мало кто был способен понять, а, следовательно, и полюбить. Но для Виви она стала особенной. Когда она дочитала до последней страницы и закрыла книгу, Виви вдруг обнаружила себя перед чистым листом плотной бумаги. Она водила карандашом по шероховатой поверхности, будто сама не своя.

Образов, мыслей, чувств внутри у неё было столько, что они уже не помещались в её маленьком теле – и она рисовала весь остаток дня, весь долгий вечер и всю короткую зимнюю ночь. Примерно год назад. Тогда, кажется, тоже был февраль.

А наутро её перепачканная грифелем рука разжалась, карандаш выпал и закатился куда-то под диван. Виви была опустошена, словно бутылка из-под французского вина после ужина.

Трясушимися руками она собрала разбросанные по столу изрисованные листы – дом с дырой в полу, тёмный лес, птицы, воздушные шары, профиль человека с грустными глазами, лицо девушки с глазами потухшими.

Всё это было *слишком*. Слишком для неё. Откуда оно взялось? Или оно всегда было внутри? Виви спрятала рисунки подальше, потому что чувствовала, что они способны разрушить её крохотный мирок, и заспешила на работу, привычно собирая волосы в тугий хвост на затылке.

Жизнь пошла дальше – обычная, размеренная, рутинная. Виви никогда больше не вспоминала ни о книге, ни о рисун-

ках. Вспомнила только сейчас, когда минул год, а февраль расположился не только за окном, но и на её диване.

– Ведь я тоже могу быть уютным месяцем, правда? – прервал молчание Фев, глядя на гирлянды под потолком, которые он соорудил. – Это же не сложно – создать себе уют своими руками вместо того, чтобы роптать на погоду за окном?

– Возможно, в последний месяц зимы люди уже выдохлись и ждут, что придёт кто-нибудь и позаботится о них, – сказала Виви, и мгла воспоминаний исчезла из её взгляда.

Она пересекла гостиную и присела на диван.

– О нет, зима тут не при чём, – возразил Фев, приподнимаясь на локтях. – Это лишь дело привычки – люди привыкли ждать, так ведь проще.

Виви посмотрела на Фева. Конечно же, он был прав. Виви и сама была из тех людей, которые всё время чего-то ждали. А что происходит с теми, кто ждёт? Правильно. Ни-че-го.

Виви бы ещё долго могла тихо сидеть, думая обо всём и ни о чём одновременно – созданный Февралём уют располагал к размышлениям. Но она вспомнила, что вернулась домой с твёрдым намерением поговорить с ним.

– Зачем было обижать Соню? – спросила Виви, руша хрупкую тишину гостиной.

Фев рассмеялся, вспоминая остроту про Стива Джобса.

– Само пришло в голову, но было весело. Тебе не понравилось?

– Не понравилось. Ты мог бы быть и помягче, – заявила

Виви, стараясь выглядеть строго, но в глазах её ожили огоньки. Или то было лишь отражение гирлянд?

– Врёшь, я заметил, как ты хихикала, – заявил Фев. – Видишь ли, я предпочитаю говорить то, что думаю. Если это кого-то обижает, меня это мало волнует. Вы, люди, заковали себя нормами морали и представлениями о вежливости, а я свободен, и вас это бесит.

– Но ведь необязательно говорить гадости, чтобы быть свободным? – возразила Виви.

– Необязательно, – подтвердил Февраль. – Но я по-другому не умею.

Февраль начинал утро с чая («утро – не время для кофе», – так он говорил).

Кружку с отломленной ручкой было горячо держать в ладонях, поэтому он защищал руки длинными рукавами вязанного лилового свитера.

Душистый пар поднимался над чашкой и узкой лентой устремлялся вверх. Тикали часы. Солнце ещё спало. И Виви тоже спала. Примерно через четверть часа её поднял будильник, и дом словно ожил вместе с её пробуждением: заскрипели половицы под её ногами, зажёгся свет в коридоре, зашумела вода в ванной.

Она вошла в кухню.

Февраль сидел и смотрел на зиму за окном: на проносящийся мимо хрустящий снег, и как колкие снежинки бились

в стекло. Всё смотрел и смотрел, пока его руки обнимали пухлую чашку с давно позабытым чаем. Взгляд его не выражал ничего. Видел ли он ту зиму за окном или был где-то далеко в своих мыслях?

Виви стояла позади, боясь обнаружить своё присутствие. Фев мог быть до ужаса разным: то он был совсем мальчишкой, которого хотелось гладить по растрёпанным волосам, словно щенка, а иногда, вот как сейчас, в него будто вселялся девяностолетний старик, у которого каждая зима наперечёт, каждая – впечаталась морщинами в уголках глаз. Страшно было представить, сколь многое он успел повидать за свою жизнь.

Но вот, медленно взошло солнце, взгляд Февраля прояснился, и его лицо вернуло себе прежние черты.

– Давно ты так стоишь? – спросил Фев, глядя на отражённый силуэт Виви в замёрзшем окне.

– А давно ты просыпаешься раньше меня? – поинтересовалась Виви, щупая рукой круглый бок остывшего чайника. Она долила воды и зажгла огонь.

– Иногда, – Февраль отхлебнул остывший чай и поморщился.

Кажется, он и вовсе не спал. Читал всю ночь, потом бродил по дому, потом сидел, рассматривая снежинки за окном. И отчего-то грустил.

Чайник пронзительно засвистел, Виви выключила конфорку и сделала себе чай.

– Я сегодня запущу пару метелей и снова приду в кафе навестить тебя, если ты не возражаешь, – как бы невзначай заметил Фев.

– Возражаю, – отозвалась она, рассматривая, как в её чашке кружились чайники. – Но ты всё равно приходи.

И он пришёл.

Влетел внутрь, не заботясь о том, чтобы придержать дверь.

Его встретил запах кофе, смешанный со сладостью ванили и корицы, добавленные в сдобу. Был полдень, в кафе прибывали люди, чтобы провести часок-другой за книгой в обеденный перерыв.

Соня и Виви были заняты, и Фев сел на уже полюбившееся ему место за барной стойкой.

Ему нравилось наблюдать за людьми. Как они заходили в кафе, стряхивая снежинки с воротников, как осматривались и выбирали столик. Кто-то предпочитал спрятаться в уголке, и чтобы его не трогали. Кто-то, напротив, выбирал место на проходе, не чувствуя неудобства от снующих туда-сюда официантов. А кто-то располагался в самом центре и весело болтал на всё кафе, не замечая укоряющих взглядов от ищущих крупницы покая посетителей.

И все они здесь прятались от холода февраля.

«Какая ирония!» – думал Февраль, хитро улыбаясь.

– Кто это там, у окна? – спросил он, когда Виви заметила его.

Она обернулась и увидела девушку, которая с маниакальной быстротой записывала что-то в блокнот.

– А, это? – Виви усмехнулась. – Наша местная писательница. Она частенько приходит сюда и что-то пишет. Только не вздумай...

Но она не успела – в глазах Фева зажёгся огонёк любопытства, и он, проворно прыгнув с высокого стула, направился к столику у окна.

– А что вы там пишете? – спросил он в свойственной ему нагловатой манере.

Виви покачала головой: сейчас начнётся!

Девушка в водолазке болотного цвета и потёртых джинсах подняла голову. Её лицо было бледное, словно недопечённый блин, а под глазами залегли тени.

– Хотите, я прочту немного? – сказала она, и её безжизненные карие глаза вдруг заблестели.

Фев уверенно кивнул, девушка прочистила горло и приосанилась.

Вкрадчивым голосом она начала с выражением зачитывать то, что ещё минуту назад старательно выводила на бумаге:

«Это случилось тёмной ночью, когда экран мобильного безмолвно таранился в его лицо и молчал, молчал... Он ждал, что она позвонит, но она не звонила, и дикое отчаяние, и грусть, и горе охватили его! Его взгляд встретился с полной луной, и он решился сделать шаг вниз с бруклинско-

го моста. И бездонная, холодная, необъяснимая пучина...»

Фев не считал себя таким уж знатоком литературы, но многолетний опыт читателя твёрдо подсказывал ему, что...

– Это какая-то дичь, – пробормотал он едва слышно.

– Что вы сказали? – переспросила девушка.

Виви и Соня, наблюдавшие за ним, покатались со смеху.

– Вы знаете, я тут вспомнил, что мне срочно нужно идти, – выпалил Февраль. – Но вы продолжайте, – сказал он ей, поспешно наматывая шарф вокруг шеи и посылая хохочущей Виви укоряющий взгляд.

– Что вы понимаете в настоящем искусстве?! – воскликнула она обиженно.

Но Февраль её уже не слышал. У выхода он чуть задержался, обмениваясь взглядами с парнем, который сидел за угловым столиком в кафе, и Виви на секунду показалось, будто они знакомы. Но секунда прошла, и эта мысль тут же исчезла из её головы. Рабочая суета вновь проглотила её, не жуя.

Вечером она вернётся домой и вдоволь посмеётся над Февом. Или они найдут другую тему для разговора за чашкой чая-кофе.

И всё это между ними – что бы это ни было, вдруг стало для Виви привычным. Будто так было всегда.

И так бы, наверное, прошёл их месяц.

Совместные завтраки, встречи в кафе, лёгкие перепалки, спонтанные разговоры, холод и уют, поделённые надвое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.